

Сидорчук И.В.,
доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого

Как полюбить революцию (случай Н.Я. Марра)*

Отношения отечественного ученого сообщества с большевистской властью – тема, достаточно популярная среди специалистов, особенно если речь идет о переходном периоде 1920-30-х гг. При этом дать однозначную оценку, благом или злом стала революция для судьбы отдельного ученого, подчас не так-то просто. Критериев оценки может быть несколько – степень успешности реализации научных проектов, материальные блага, или, наконец, власть. Одним из наиболее интересных, неоднозначных и популярных среди исследователей представителей науки периода является создатель «нового учения о языке», «отец советской лингвистики»¹ Н.Я. Марр (1864/65 - 1934 гг.). Ниже мы постараемся проследить его путь от искреннего противника революции до ее рьяного защитника и одного из символов.

До 1917 г. Н.Я. Марр, в отличие от многих коллег, имел репутацию вполне лояльного власти ученого, что помогало ему находить необходимые средства на свои проекты. В частности, в 1913 г. сам Л.А. Кассо по его просьбе выдвинул «в Государственную думу законопроект о финансировании его исследований в Армении на 3 года из средств казначейства», то есть за счет Министерства народного просвещения, что являлось беспрецедентным для России случаем². Не поддерживал он и постоянные студенческие волнения, нарушавшие работу Петербургского университета. В период кризиса 1911 г. из-за беспорядков, введения полиции в аудитории и постоянные срывы лекций с ним даже случился истерический припадок.³ Именно его В.М. Пуришкевич относил к немногим верным власти профессорам столичного университета, продолжавших, вопреки требованиям

революционно настроенных студентов, читать лекции во время беспорядков осени 1908 г.⁴ Впоследствии, правда, ученый постоянно говорил о дореволюционном периоде как о времени своей травли и загнанности, что совершенно не соответствует действительности.

Н.Я. Марр, как и большинство его коллег, верил, что возможность реализации крупных проектов в «ближайшие по крайней мере десятилетия» существует только в рамках масштабной государственной помощи⁵. Отсюда и отсутствие однозначной поддержки царского закона «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства Народного Просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений», вышедшего 1 июля 1914 г.⁶ и обвинения власти в том, что она отпускает науку в «вольное плавание» - появившаяся свобода грозила быстро превратиться в беготню за меценатами и покровителями.

Н.Я. Марр при первой же возможности старался напомнить власти о значимости развития науки. Без адекватного решения этой задачи он не представлял полноценное развитие государства, поэтому не восторгался Февральской революцией, приведшей к снижению уровня поддержки науки. В статье «Всероссийская культурная проблема» он писал о том, что его мечты о том, что после падения старого режима исчезнут все препоны для «культурной работы» и «научных начинаний», не оправдались⁷.

К большевистской власти ученый симпатий также не испытывал. Гражданская война привела к большой трагедии в его жизни – гибели археологических находок, перевозившихся на поезде из Армении. Мы склонны согласиться с В.М. Алпатовым, полагавшем, что именно следствием этого стал вынужденный уход ученого в теоретическую лингвистику, в которой он был полным дилетантом⁸. Стоит особо подчеркнуть, что неприязнь к большевикам у Н.Я. Марра, в отличие от большинства его коллег, не имела идеологического подтекста, а была вызвана недовольством проводимой по отношению к науке политикой, и, в первую очередь, недостаточным финансированием и условиями работы. Кроме этого, сын

ученого Юрий служил в Гражданскую войну на Кавказе переводчиком в армиях меньшевиков и англичан⁹, что также могло повлиять на отношение Н.Я. Марра к новой власти. Оно хорошо видно и по его переписке. Например, в своем письме Президенту Российской Академии наук А.П. Карпинскому (1919 г.) он жаловался на невыносимые условия работы¹⁰. В письме от 21 января 1921 г. к Ф.А. Брауну ученый делился переживаниями по поводу того, что Грузинская демократическая республика вот-вот падет под натиском большевиков¹¹. В том же году в письме из Берлина одному из коллег Н.Я. Марр, используя по отношению к их общим знакомым слово «товарищи», тут же поправляется: «товарищей в настоящем смысле слова», то есть явно иронизирует над активным использованием большевиками этого термина¹².

К началу 20-х гг. грузинский национализм, присущий Н.Я. Марру ранее, уже стал пережитком молодости. Ученый не стремился к научной локализации Кавказа, иначе как бы он требовал поддержки от центральной власти? Отныне Н.Я. Марр хотел создать центр по изучению своей родины непосредственно в Петрограде – для «изучения Грузии в естественно-историческом и культурно-историческом отношениях, а также для самостоятельной работы над теоретическими вопросами», для поддержки «связей грузинских ученых с Петроградом и Москвой»¹³.

Свою оригинальную яфетическую теорию, не встречавшую симпатий среди многих авторитетных коллег, он стремился активно пропагандировать в Европе. Благодаря поддержке и доверию властей Н.Я. Марру предоставляли заграничные командировки, что позволило ему являться «одним из первых советских ученых, который в первые послереволюционные годы находился в длительном и непосредственном общении с учеными разных стран – Германии, Англии, Франции, Италии, Испании»¹⁴. За период с 1920 по 1923 гг. он провел за границей около 1,5 лет. Разумеется, современный исследователь оказывается в данном случае перед соблазном провести параллели с политикой власти, рассчитанной на

всемирную революцию. Не такую ли революцию, только в языкознании, замыслил Н.Я. Марр со своей яфетидологией? Стоит сказать, что первые зарубежные исследователи его учения многие выводы, особенно в изучении кавказских языков, находили интересными и ценными, равно как и высоко оценивали готовность смотреть на вопросы лингвистики свежим взглядом, отказаться от рамок европеизма.¹⁵ При этом, серьезной поддержки за рубежом ученый так и не получил. Его попытка экспорта революции не удалась. Нам представляется, что именно с этим связан его отказ от эмиграции – его идеи могли получить развитие только в России.

В начале 1920-х гг. ему удалось заручиться поддержкой властей и организовать Яфетический институт, центр развития своей теории. При этом он продолжал жаловаться коллегам и власти на ужасные условия работы и отсутствие финансирования. В одном из писем 1924 г. С.Ф. Ольденбургу с Кавказа он восхищался местным финансированием науки и даже высказал пожелание бросить все и уехать заниматься сельским хозяйством в родную деревню.¹⁶

Несмотря на перебои с финансированием, Н.Я. Марр понимал, что его теория явно коррелирует с запросами власти на создание новой науки. Борьба с непринявшими его теорию индоевропеистами идеально подходила к общему настрою борьбы с буржуазной наукой и миром. Спустя некоторое время после установления советской власти Н.Я. Марр понял, что научная теория может иметь успех и поддержку только если она является марксистской¹⁷. С начала 1920-х годов он активно участвовал в общественно-политической работе. В 1923 г. на I Всесоюзном съезде научных работников его избрали председателем Центрального совета Секции научных работников. На II и III съездах он был переизбран. Он также являлся членом Ленинградского совета, членом Центрального комитета Союза работников просвещения, членом ВЦСПС. В 1927 г. он заявлял о необходимости включить науку «в план индустриализации страны»¹⁸.

Марксизм появился в работах ученого достаточно поздно – в середине 1920-х гг. В работах И.И. Мещанинова, будущего преемника Н.Я. Марра, прослеживается постоянное стремление соотнести Октябрь 1917 г. с теорией учителя. Он даже пытался утвердить некое представление об одновременности этих событий. В работе «Общее языкознание за двадцать лет» 1937 года он писал: «1917 год застал нашего великого лингвиста уже ищущим новых путей к выходу из осознаваемого им тупика, в который попало буржуазное языкознание»¹⁹, тем самым внося серьезный вклад в легенду о Н.Я. Марре-революционере. Характерно, что впоследствии сам Н.Я. Марр утверждал, что на связь яфетической теории с марксизмом ему указал ученый-большевик М.Н. Покровский, за что ученый его и благодарил.²⁰

Не только большевистская власть с ее запросом на марксистскую науку, но и культурный климат эпохи повлиял на появление и развитие идей Н.Я. Марра. В. Резник, рассмотрев социологический аспект феномена марризма, пришла к выводу, что он является органичной составляющей утопического интеллектуального движения в рамках русского модернизма.²¹ Авангардные представления Н.Я. Марра смогли начать серьезно воздействовать на «реальную жизнь» только после прихода к власти большевиков. Марризм являлся неотъемлемой частью авангардной культуры. Это не только стремление к кардинальному переустройству, готовность жить и творить «в великую эпоху электричества и перестройки земного шара»²², но особый, «авангардный», стиль мышления, главными чертами которого являлись смелость, масштабность и абсолютная новизна, тотальная нестандартность, которая и делает явление авангарда в любой области культуры неприемлемым большинством.

Н.Я. Марр являлся одним из активнейших авангардистских мыслителей, в связи с чем его часто сравнивают со многими деятелями культуры периода. В частности, исследователи обращали внимание на то, что ученого объединяли с В.В. Маяковским умение и манера выступать, а также

вести острую полемику²³. Также их объединяло стремление к радикальному обновлению «как в своей сфере, так и в мире»²⁴. Многие писатели и поэты интересовались работами Н.Я. Марра и ценили их: О.Э. Мандельштам называл философию языка Н.Я. Марра «яфетическим любомудрием»; «это название раскрывает связь, существовавшую в сознании Мандельштама между марровской “яфетической теорией” и “любомудрами” — русскими романтиками 1820-30-х годов»²⁵. С симпатией к «новому учению о языке» относился В.Я. Брюсов и поддерживал с Н.Я. Марром дружеские отношения, посвящая яфетидологии стихи²⁶. Известно, что «Д. Хармса очень интересовало слово «яфер», что, возможно, связано с его интересом к яфетической теории Н.Я. Марра»²⁷.

Ученый, в свою очередь, активно интересовался современной ему поэзией, причем этот интерес распространялся на поэтические направления, для которых в наибольшей степени характерен отказ от традиции, поиск новых путей. Достаточно сказать, что его сын Юрий (1893-1935 гг.) был поэтом, близким к группе тифлисских футуристов-заумников «41°» и в своих воспоминаниях говорил, что именно его детские наблюдения за сходством басков и грузин впоследствии были взяты отцом на вооружение.²⁸

Мы не склонны соглашаться с В.М. Алпатовым, утверждавшем, что среди представителей «старой науки» только Н.Я. Марр пошел дальше простого сотрудничества с властью и полностью перешел на марксистские позиции²⁹. Взаимоотношения с большевиками ученых уровня Н.Я. Марра складывались по уникальным сценариям (достаточно привести примеры В.И. Вернадского, И.П. Павлова или С.Ф. Ольденбрга). Это отнюдь не значит, что нельзя вывести общих закономерностей и механизмов этих взаимоотношений, но однозначно делать кого-то более «красным», чем остальные, в данном случае, не совсем конструктивно.

Антипатия и жесткая критика большевиков у ученого со временем сменились стремлением к сотрудничеству и, позднее, полным принятием. Революционные потрясения стали трагедией для Н.Я. Марра как ученого и

человека, но предоставили уникальную возможность для развития и академического признания его «нового учения о языке». Именно революция позволила ему стать одним из лидеров отечественной гуманитаристики, в жестокой и смертельно опасной борьбе победив своих многочисленных оппонентов. Вплоть до развенчания марризма в 1950 г. Н.Я. Марра превозносили как ученого, который заложил основы марксистской лингвистики еще до революции, хотя это было совершенно не так. Легенда о Н.Я. Марре, активно подкрепляемая им самим, окончательно восторжествовала после победы над оппонентами³⁰. Еще большее развитие она получила после смерти «пророка». Достаточно назвать несколько заголовков статей, посвященных памяти ученого: «Большой друг трудящихся» («Правда»), «Мировой ученый-большевик» («Ленинградская правда»), «Ученый-революционер» («Комсомольская правда»), «Ученый, боец, большевик» («За социалистическую науку», «Литературная газета»), «Памяти ученого революционера» («Экономическая жизнь»), «Рупор большевизма» («Вечерняя Красная газета») и т.д.³¹.

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

¹ *Goodman E.R.* The Soviet Design for a World Language // *Russian Review*. 1956. Vol. 15. № 2. P. 93.

² *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести*. № 5. 1996-1997. СПб., 1998. С. 372.

³ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 627.

⁴ *Пуришкевич В.М.* Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914. С. 106.

⁵ *Марр Н.Я.* [Об университете на Кавказе] // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 922. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ *Марр Н.Я.* Всероссийская культурная проблема // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 2366. Л. 1.

⁸ *Аллатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 21.

⁹ *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России: вторая половина XIX – первая треть XX века. Диссерт. На соиск. Учен. Степ. Доктора исторических наук / Российская акад. Наук, Ин-т истории материальной культуры. СПб., 2010. С. 240.

¹⁰ *Марр Н.Я.* Письмо Президенту Российской Академии наук // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-25. Л. 1-1(об.).

¹¹ *Марр Н.Я.* Письмо Ф.А. Брауну. 21 января 1921 г. // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-27. Л. 58.

-
- ¹² *Marr H.Я.* [Письмо Михаилу Ивановичу] // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 2. № Б-27. Л. 4(об.).
- ¹³ *Marr H.Я.* О «Грузинском институте науки и искусств» (1918 г.) // СПФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. № 920. Л. 1.
- ¹⁴ *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3. М.; Л., 1949. С. 312.
- ¹⁵ *Manning C.A.* Japhetology // *Language*. 1931. Vol. 7. № 2. P. 143-146; *Sauvageot A.* Linguistique et marxisme // *A la lumiere du marxisme: Essais: Sciences Physico-Mathematiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines*. Vol. I. Paris: Editions sociales internationales, 1935. P. 160-168.
- ¹⁶ Письмо Н.Я. Марра С.Ф. Ольденбургу от 13 июня 1924 г. // СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371. Л. 45 об. (45-45 об.)
- ¹⁷ *Thomas Lawrence L.* The linguistic theories of N.Я. Marr. University of California Press, Berkeley, California [u.a.], 1957. P. 90.
- ¹⁸ *Marr H.Я.* Секция научных работников и советская общественность // *Научный работник*. № 3 (март). 1927. С. 23.
- ¹⁹ *Мещанинов И.И.* Общее языкознание за двадцать лет // СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 3. № 87. Л. 7.
- ²⁰ *Marr H.Я.* К шестидесятилетию со дня рождения М.Н. Покровского // *Научный работник*. 1928. № 10 (октябрь). С. 3.
- ²¹ *Reznik V.* Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // *Slavonica*. 2007. Vol. 13: № 2. P. 150-167. P. 150.
- ²² *Платонов А.* Потомки Солнца // *Советская фантастика 20-40-х годов* / Сост. Д. Зиберов. М., 1987. С. 240.
- ²³ *Селиванов В.В.* Вяч. И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (часть II) // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Сб. статей. Вып. 6. СПб., 2007. С. 509.
- ²⁴ *Гаспаров Б.* Развитие или реструктурирование: Взгляды академика Т.Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920—1930-е годы) // *Логос*. № 11/12. 1999. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/04.htm (дата обращения 24.11.2016).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 29-30.
- ²⁷ *Базылев В.Н., Нерознак В.П.* Традиция, мерцающая в толще истории // *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология* / Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М., 2001. С. 14.
- ²⁸ *Marr Ю.Н.* Воспоминания об отце-учителе // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 3-4. С. 153-154.
- ²⁹ *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 83.
- ³⁰ *Thomas Lawrence L.* The linguistic theories of N.Я. Marr. University of California Press, Berkeley, California [u.a.], 1957. P. 87.
- ³¹ Отклики печати // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 1935. № 3-4. С. 198-254.